

2207

16 сентября 1980 г. № 75 (5395) —

На соискание

ОТЦЫ - КОМАНДИРЫ

Так в былые времена называли боевых офицеров — тех, кто особым образом относился к солдатам. В Великую Отечественную эти слова не были в ходу. Наверное, потому, что очень многим взводным и ротным — тем офицерам, что ближе всего стояли к солдату, — было в ту пору двадцать, девятнадцать, а то и восемнадцать лет. Кроме фронта, за плечами у них был лишь ускоренный выпуск военного училища — какие уж «отцы», пожилые солдаты между собой потихоньку называли их «сынками». Именно из этой среды вышло немало писателей военного поколения — Григорий Бакланов и Василий Быков, Владимир Богомолов и Анатолий Ананьев, Даниил Гранин и Сергей Крутилин. В своих книгах они рассказали о тех юных офицерах, нравственный кодекс которых заставляет вспомнить это старомодное, но исполненное благородного смысла понятие — отцы-командиры...

Таков герой и новой, выдвинутой на соискание Государственной премии СССР повести Г. Бакланова «Навеки — девятнадцатилетние» лейтенант-артиллерист Володя Третьяков. В повести история одной судьбы, одной юной жизни, но речь в ней идет о судьбе и облике целого поколения. И, пожалуй, самое характерное, самое примечательное в духовном облике этого поколения — высочайшее, бескомпромиссное чувство ответственности. Вот стоит лейтенант Третьяков перед заробевшими батареями: по хлипкому деревянному мосту надо переправить тракторы и тяжелые орудия, а выдержит ли он, солдаты сомневаются. Конечно, лейтенант мог просто приказать — и все, но ведь он отвечал еще и за них и хотел, чтобы они поняли, их жизнью он распоряжается не легкомысленно, не безрассудно, — чтобы ободрить солдат, Третьяков встал под ходившим ходуном мостом, по которому двинулись тягачи с орудиями...

В повести Г. Бакланова

множество неповторимых, непридуманных — непрерываемо-достоверных — подробностей и фронтового, и госпитального быта. Пронзительно-точные детали, складывающиеся в широкую и безупречно правдивую картину фронтовой жизни офицера переднего края, были присущи и прежним произведениям Г. Бакланова о войне — вот чем «Южнее главного удара», «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут», «Июль 41 года» завоевали читательское признание. Однако после этих книг почти пятнадцать лет писатель не касался военных тем: не потому, что иссяк материал (повесть «Навеки — девятнадцатилетние» показывает, что это не так), а потому, что он требовал к себе нового подхода.

Лейтенант Третьяков и герой «Пяди земли» лейтенант Мотовилов — ровесники, у них много общего и в короткой биографии, и в житейских правилах и представлениях — неизменно справедливых, и в складе чувств и мыслей. Но теперь, через двадцать лет, которые отделяют последнюю вещь от повести «Пядь земли», писатель, человек зрелого возраста, острее и пронзительнее видит, что герой его, на которого всей тяжестью обрушилась война, в сущности, еще мальчик, едва-едва ступивший на порог юности. Ему даже вспоминать еще нечего, кроме родительского дома и школы. И роман его со школьницей Сашей — если можно назвать романом их застенчивую, стыдливую юношескую влюбленность — это от неосознанной тоски по дому, по материнской заботе, по младшей сестренке. Юность, у которой все еще только в будущем, только обещание, юношеская незащищенность, открытость, отзывчивость и кровавая беспощадность войны, косящей эти молодые побеги жизни, — этот чудовищный контраст ни на минуту не исчезает из поля авторского зрения, он пронизывает образный строй произведения, написанного очень плотно, так что весомой и многозначительной

оказывается едва ли не каждая деталь.

Немало места в новой повести отдано госпитальным сценам. В «Пяди земли» эта сторона войны лишь поминалась, в ее развернутом описании не было нужды, а в повести «Навеки — девятнадцатилетние» оно необходимо, потому что выражает то чувство, с каким автор сегодня вспоминает суровые фронтовые годы.

Размышляя о баклановском юном герое, то и дело невольно заменяешь «он» на «они», думаешь о поколениях. Таков был и замысел автора, то и дело на пути героя встречаются его ровесники — солдаты и офицеры. Характерная сценка: «Все это были, — взглянув на свой взвод, — роющий окоп, отмечает про себя Третьяков, — молодые ребята, начинающие наливать силой: за войну подросли в строй», а между тем «у многих отметины прежних ран, затянутые глянцевиной кожей». Автор словно бы прибегает к «стоп-кадру», давая нам возможность тщательно рассмотреть изображение, постичь его глубинную суть — взгляд же самого героя не может на нем так долго задерживаться, потому что все для него здесь привычное, само собой разумеющееся. Случается иногда, что автор утрачивает чувственную меру, подменяя видение героя своими сегодняшними соображениями, но в принципе этот прием позволяет ему вскрыть подспудный, обобщающий смысл распыленных в книге подробностей.

...20 миллионов человек сложили голову, защищая страну от гитлеровского нашествия. Но, пожалуй, самые страшные потери понесло поколение, к которому принадлежал герой повести «Навеки — девятнадцатилетние»: из ста ушедших на фронт в живых осталось только трое, всего трое. Гибнет и герой повести Г. Бакланова. Его судьба, трагическая и высокая, напоминает нам о том, чего стоила победа, напоминает о цене сегодняшнего мира на земле...

Л. ЛАЗАРЕВ.